

ряты и съ здоровой государственностью, каковы смертная казнь, физическія наказанія и пытки, но вообще о *правдѣ права*, о допустимости правового насилія, о религіозной санкціи войска, суда, тюремъ, полиціи, призванныхъ защищать и охранять правовой строй. Для весьма многихъ государство и теперь окружено мистическимъ нимбомъ и считается, какъ встарь, необходимой принадлежностью Церкви. Въ современной же религіи человѣкобожія явнымъ образомъ воскресаетъ античный культъ государства, какъ организациі культурнаго человѣчества, а право откровенно объявляется критеріемъ морали, лишь вмѣсто величества цезаря поставлено величество народа. Наконецъ третьи, утерявъ прежнее спокойствіе, съ смущеніемъ и растерянностью стоятъ предъ религіозной проблемой государственности. Съ безумнымъ дерзновеніемъ и геніальной односторонностью Толстой вовсе отвергъ государство, какъ зло и преступленіе. Принялъ-ли онъ на свою религіозную и просто человѣческую совѣсть и всю тяжесть этого отверженія, вывели-ли онъ отсюда и для личной и для общественной жизни всѣ неисчислимыя послѣдствія, въ этомъ справедливо можно сомнѣваться, и этимъ значительно обезцѣнивается и самое его нападеніе на государственность. Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторая религіозная неотразимость въ этомъ нападеніи, и гдѣ-то въ глубинѣ души, даже при самомъ рѣшительномъ непринятіи ученія Толстого о государствѣ, остается смутная тревога, гнѣздится сознание нѣкоторой высшей правды этого ученія, и ужъ во всякомъ случаѣ становится невозможнымъ наивный апофеозъ государственности. Толстой сѣялъ здѣсь сѣмена въ далекое, далекое будущее, но сѣмена эти неистребимы историческими непогодами, и уже потому, что посѣяны-то они впервые не имъ, а христіанскимъ Благовѣстіемъ на той горѣ, съ которой раздавались заповѣди блаженства, ученіе о прощеніи обидъ, о неосужденіи, о непротивленіи зломъ.

Заслуживаетъ упоминанія при этомъ, что въ конечномъ идеалѣ съ Толстымъ совпадаетъ здѣсь никто иной, какъ Достоевскій, убѣжденный государственный, а равно и Вл. С. Соловьевъ, несмотря на его энергичную полемику съ толстовствомъ, насколько оба они становятся на безусловно-религіозную, а не на исторически-относительную почву. Достоевскій въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* (въ главѣ „о церковномъ судѣ“ устами Ивана и старцевъ) рисуетъ идеалъ церковнаго анархизма, полного растворенія и упраздненія